

Серия
NON-FICTION

Серия
NON-FICTION

Сергей Емельянов

Моя Елизаветка

Повесть

Москва
Интернациональный Союз писателей
2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Е60

Составитель серии Елена Наливина

Емельянов, Сергей

Е60 Моя Елизаветка : повесть / Сергей Емельянов. – Москва : Интернациональный Союз писателей, 2021. – 104 с. (NON-fiction премии-медали им. Ивана Грозного).

ISBN 978-5-907451-06-3

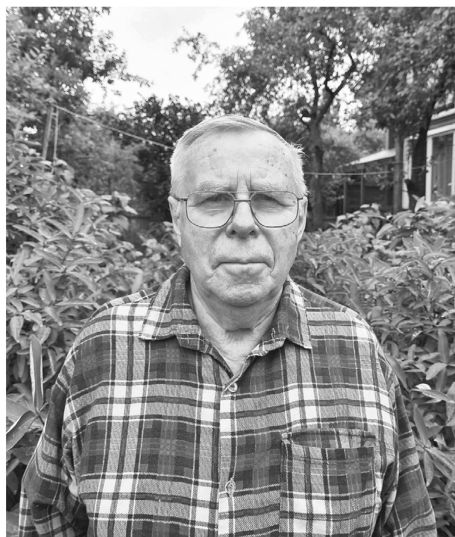
Автор – представитель уходящего поколения тех, кто своими глазами видел и пережил трагические годы войны с гитлеровской Германией, а затем нелегкие послевоенные годы. В центре внимания – жизнь людей в удаленном местечке Москвы, на окраине парка Покровское-Стрешнево, на даче Елизаветино. Описаны реалии того времени: жизнь города в условиях осадного положения, бомбежки вражеской авиации, голод и холод, тяжелые бытовые условия. Но не только тяготы того времени привлекают внимание автора, он пишет и о хорошем: о праздниках семейных и общенародных, о путешествиях по Подмосквовью, о занятиях шахматами и о многом другом.

Книга предназначена для тех, кто хочет непредвзято разобраться в том, как жилось советским людям в те, уже далекие, годы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907451-06-3

© Сергей Емельянов, 2021
© Интернациональный Союз писателей, 2021

Емельянов Сергей Алексеевич – человек разносторонний. Заслуженный экономист Российской Федерации, лауреат премии Совета министров СССР (за внедрение отраслевой АСУ), международный мастер по шахматам ICCF.

В последние годы занимается литературным трудом.

Первые свои работы размещал на сайтах samlib.ru и proza.ru. С 2020 года публикуется в печатных изданиях Интернационального и Российского союзов писателей, альманахах: «Лондонская литературная премия» (2014–2019), «Российский колокол» (2020), «Ушёл, вернее, остался», «Наследие» (2020) и других.

Финалист Международной Лондонской литературной премии (2014–2019), Международной литературной премии мира и конкурса «Георгиевская лента» (2020).

Член Интернационального Союза писателей.

Счастливая, счастливая, неповторимая пора детства!

Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней?

*Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу
и служат для меня источником лучших наслаждений.*

Лев Толстой

Елизаветка, здравствуй!

Дача Елизаветино, Елизаветка, как именовали это место жители северо-запада Москвы... Мало кто из жителей домов, расположенных за Соколом, вдоль Ленинградского и Волоколамского шоссе, не бывал на Елизаветке или тем более не слышал о ней. Место было известно благодаря зимнему катанию с гор на лыжах и летним прогулкам по парку Покровское-Стрешнево.

Но не только природой известна Елизаветка. Место это историческое. Здесь находился дворцовый комплекс, создание которого приписывают известному русскому архитектору Николаю Александровичу Львову.

Кто только не побывал на Елизаветке! Тут и царские особы России, и деятели русской культуры и искусства, и коммунистические лидеры первых лет советской власти. В Елизаветино историк Карамзин создавал свою «Историю государства Российского», жила семья Сони Берс, будущей жены Льва Николаевича Толстого. Здесь бывали король поэтов Игорь Северянин и многие другие.

Жители Елизаветки наивно полагали, что их дом построила российская императрица Елизавета. Говорили, что она использовала Елизаветино как путевой дворец, якобы она отдыхала здесь перед въездом в Москву после тяжелой дороги из Петербурга; говорили, что она любила это место, и на фронте портика центральной усадьбы по ее указанию на латинском языке было написано «Мой любимый уголок».

Красивая легенда, но не более того.

Вот в это самое Елизаветино и вселилась наша семья осенью 1941 года, но этому предшествовала длинная цепь событий. Начать придется издалека.

Родители моей мамы – Зорины – перебрались в Москву из ныне небольшого городка Александрова. Но Алексан-

дров не просто «небольшой городок», а, можно сказать, третья столица государства Российского после Москвы и Петербурга. Там жил и оттуда правил страной царь Иван Грозный.

После переезда в Москву из Александрова где-то в самом начале двадцатого века предки мои обосновались в районе нынешней Новослободской улицы, в обычной деревенской избе. Дед мой, Иван Максимович, работал счетоводом на Московско-Курской, Нижегородской и Муромской железных дорогах. По сей день у меня хранится пожелтевшее свидетельство на бумаге большого формата с красной сургучной печатью, которое удостоверяет, что Иван Максимович Зорин в 1901–1902 годах окончил курсы бухгалтерии и коммерческих вычислений, учрежденные учителем математики, коллежским советником и кавалером Владимиром Андреевичем Хагельстромом.

Детей в семье прилежного ученика по части торговых книг было человек мал мала меньше. При рождении некоторым новорожденным давали имя, которое уже было использовано в семье для ранее родившегося ребенка. Были, например, две Анны, две Кати. Считалось, что если в семье двое имеют одно и то же имя, то выживет только один ребенок, второго «Господь приберет», и это было хорошо для семьи, так как прокормить всех один дед-счетовод не мог.

До взрослого возраста дожили девятеро: дяди мои, Сергей и Максим, погибли в Первую мировую, а тетя Катя умерла до моего рождения.

В конце тридцатых годов дом Зориных вместе с другими такими же старыми домами-избами был снесен: на его месте теперь Новослободская улица. К тому времени мама моя уже вышла замуж за Алексея Петровича Емельянова.

С жителями старых сносимых домов власть поступала сообразно с порядками того времени: их просто выселяли из Москвы в область, хорошо, что не дальше. При этом каждой

семье выделяли определенную денежную компенсацию и участок земли размером примерно в десять-двенадцать соток для самостоятельной застройки. Мои родители получили такой участок в районе станции Любня по Савёловской железной дороге и три тысячи рублей для строительства. Чтобы обустроиться на новом месте в сельской местности, построить дом и завести хозяйство, надо было обладать определенными практическими навыками. Многие из числа «вынужденных переселенцев» справились с этой задачей. Но мои родители, люди городские, к деревенской жизни непривычные, оказались в этом отношении несостоятельными. Деньги потратились, а дома не было. Не знаю, чем это кончилось бы для них и, соответственно, для меня. Быть бы мне бомжем, но тут началась война. Отца призвали в действующую армию, мама со мной ютилась у старшей сестры Анны, которая работала завучем в московской школе и имела служебную жилплощадь.

И тут нам очень помог мамин старший брат Иван. Он пошел по военной части и дослужился до звания полковника. Он-то и предложил маме переехать на эту самую дачу Елизаветино, где временно размещались солдаты вверенного ему воинского подразделения. Переехать просто так, явочным порядком, без прописки и всяких документов. Шла война, и это было возможно. Вот так, в результате стечения перечисленных обстоятельств, мы стали елизаветинцами, пока на птичьих правах.

Где именно мы разместились, мне неизвестно, но скоро, однако, все изменилось. В центральной части усадьбы Елизаветино случился пожар. По слухам, солдаты неаккуратно обращались с электроплиткой. Этот пожар кажется мне самым ранним детским воспоминанием. Будто стою я около окна второго этажа во флигеле и смотрю через разогревшееся от пожара стекло, как пожарники перерубают галерею, идущую от центральной части к нашему флигелю, чтобы не дать огню перекинуться и на него.

После пожара от дворца остались два боковых флигеля, когда-то предназначенных для прислуги. Флигели эти превратились в два отдельно стоящих дома. Их фасады с колоннами и треугольными фронтонами над ними были обращены навстречу друг другу. Между ними двор с высоким деревянным столбом посередине, на котором одиноко висела единственная лампочка, и две лавочки у подъездов домов.

Когда наша семья появилась на Елизаветке, все хорошие помещения во флигелях были давно заняты. Нам досталась восемнадцатиметровая летняя комната, выгороженная из чердака правого флигеля, предназначенная для сушки господского белья. Для этого в комнате была установлена печка, топившаяся дровами.

Наружные стены комнаты были неутепленными, оконные рамы – одинарными, в одно стекло. Все окна были обращены в одну сторону; в центре одно полукруглое окно, такое, как на фото центральной части Елизаветино начала XX века; по бокам два овальных окна, вытянутых по вертикали. Из комнаты открывался прекрасный вид на долину реки Химки.

Вид-то действительно прекрасный, но для жилья комната не приспособлена. Летом после обеда уходящее солнце било прямой наводкой в наши окна, и становилось нестерпимо жарко; оконные рамы глухие, открыть можно было только небольшую форточку в центральном окне, но это не помогало. Зимой температура опускалась ниже нуля, стекла в окнах промерзали и покрывались изнутри ледяными наростами. На зиму все три окна для утепления приходилось закрывать наглухо. Для этой цели использовали списанные фанерные портреты вождей, которые доставались нам от тети Ани из ее школы № 205. Портреты размещали лицом вовнутрь, чтобы не дай бог никто с улицы не мог заметить, что мы делаем с изображениями вождей. Изнутри же на портреты навешивали старые одеяла и тряпки: опять же, чтобы и изнутри лиц не было видно. Всю зиму мы жили при свете единственной электрической лампочки, светившей нам из школьного пла-